

**ВЫНУЖДЕННЫЕ БЕЖЕНЦЫ, КАК СЛЕДСТВИЕ
НАСИЛЬСТВЕННОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КАМПАНИИ «МАЛЫЙ ОКТЯБРЬ
В КАЗАХСТАНЕ»: ПРИЧИНЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА МАССОВОГО
БЕЖЕНСТВА С МЕСТ ПРОЖИВАНИЯ. ИХ МАССОВЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ: ЦЕЛИ, МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ**

Балтабаева Кулгазира Нурановна¹

¹кандидат исторических наук, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, исполнительный директор Ассоциации выпускников КазНУ им. аль-Фараби, <https://orcid.org/0000-0002-6641-5802>, E-mail: 7712072909@bk.ru

* Автор-корреспондент

Аннотация. Вынужденное бегство в 1920–1930-е гг. в пределах и за пределы советского Казахстана рассматривается как форма социального и политического протеста казахстанцев насильственным акциям и последствиям реализации программы «Малого Октября в Казахстане» Ф. Голощекина и его интернациональной команды.

Автор преднамеренно не использует устаревшие понятия партийно-советского аппарата и карательных органов «откочевка», «откочевщики», ибо речь не идет о сезонных перемещениях кочевников со скотом. Понятие «откочевка» выступало в роли эвфемизма, чтобы завуалировать негативные коннотации, связанные с реальными событиями. Семантическая подмена понятий позволяла власти скрывать истинные масштабы бегства, сопротивления и трагедию народа. Статья подготовлена в рамках ПЦФ ИРН: BR24993057 «Фундаментальное исследование основных базовых категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессы их полной реабилитации».

Ключевые слова: Малый Октябрь в Казахстане, вынужденные беженцы, адаптация, политические репрессии, реабилитация.

**«ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ КІШІ ҚАЗАН» НАУҚАНЫН КҮШТЕП ІСКЕ
АСЫРУДЫҢ САЛДАРЫ РЕТІНДЕ МӘЖБҮРЛІ БОСҚЫНДАР:
ТҰРҒЫЛЫҚТЫ ЖЕРІНЕН ЖАППАЙ БОСҚЫНДАРДЫҢ СЕБЕПТЕРІ
МЕН ЖАҒДАЙЛАРЫ. ОЛАРДЫҢ ЖАППАЙ САЯСИ ҚУҒЫН-СҮРГІНІ:
МАҚСАТТАРЫ, ІСКЕ АСЫРУ ТЕТІКТЕРІ**

Балтабаева Құлғазира Нұранқызы^{1*}

¹тарих ғылымдарының кандидаты, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ түлектері қауымдастығының атқарушы директоры, <https://orcid.org/0000-0002-6641-5802>, E-mail: 7712072909@bk.ru

*Автор-корреспондент

Андатпа. 1920-1930 жылдардағы Кеңестік Қазақстан ішінде және одан тыс жерлерде мәжбүрлі қашу қазақстандықтардың Ф. Голощекин мен оның халықаралық командасының «Қазақстандағы Кіші Қазан» бағдарламасының зорлық-зомбылық әрекеттері мен салдарына қарсы әлеуметтік және саяси наразылық нысаны ретінде қарастырылады.

Автор партиялық-кеңестік аппарат пен жазалау органдарының ескірген «көшпелі көші-қон» және «көшпелілер» сияқты ұғымдарын қолданудан әдейі бас тартады, себебі бұл көшпелілердің малмен маусымдық көші-қонына қатысты емес. «Көшпелі көші-қон» ұғымы нақты оқиғалармен байланысты теріс коннотацияларды жасыру үшін эвфемизм ретінде қызмет етті. Ұғымдарды осылайша семантикалық алмастыру билікке қашудың, қарсылықтың және халық трагедиясының шынайы ауқымын жасыруға мүмкіндік берді. Бұл мақала ПЦФ ИРН: BR24993057 «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі негізгі санаттары мен кіші санаттарын және оларды толық оңалту процестерін іргелі зерттеу» бағдарламасының бөлігі ретінде дайындалды.

Кілтті сөздер: Қазақстандағы Кіші Қазан, мәжбүрлі босқындар, бейімделу, саяси қуғын-сүргін, оңалту.

IRSTI 03.20.00

FORCED REFUGEES AS A CONSEQUENCE OF THE FORCED IMPLEMENTATION OF THE «LITTLE OCTOBER IN KAZAKHSTAN» CAMPAIGN: REASONS AND CIRCUMSTANCES OF MASS REFUGEE FROM PLACES OF RESIDENCE. THEIR MASS POLITICAL REPRESSIONS: GOALS, IMPLEMENTATION MECHANISMS

Baltabaeva Kulgazira¹

Candidate of Historical Sciences, Al-Farabi Kazakh National University, Executive Director of the Al-Farabi Kazakh National University Alumni Association, <https://orcid.org/0000-0002-6641-5802>, Email: 7712072909@bk.ru

*Corresponding author

Abstract. Kazakhstanis view forced flight in the 1920s and 1930s within and beyond Soviet Kazakhstan as a form of social and political protest against the violent actions and consequences of the "Little October in Kazakhstan" program of F. Goloshchekin and his international team. The author deliberately avoids using the outdated concepts of the party-Soviet apparatus and punitive organs, such as "nomadic migration" and "nomads," as this does not refer to the seasonal movements of nomads with their livestock. The concept of "nomadic migration" served as a euphemism to disguise the negative connotations associated with real events. This semantic substitution of concepts allowed the authorities to conceal the true scale of flight, resistance, and the people's tragedy. This article was prepared as part of the IRN's PCF:

BR24993057 "Fundamental Research of the Main Basic Categories and Subcategories of Victims of Political Repression in Kazakhstan and the Processes of Their Full Rehabilitation." Key words: Little October in Kazakhstan, forced refugees, adaptation, political repression, rehabilitation.

Keywords: Little October in Kazakhstan, forced refugees, adaptation, political repression, rehabilitation.

О новой методологии исследования, разработанной Проектным офисом

Большинство документов касательно политических репрессий и беженской проблемы до последнего времени имело специальный гриф «Строго секретно. Особая папка», «Совершенно секретно», «Не подлежит оглашению», «Хранить безусловно наравне с шифром», «Секретно. Подлежит возврату», «Обеспечьте подпиской о неразглашении содержания», «Совершенно секретно наравне с шифром». «Куратором» беженской проблемы были карательные и судебные органы советской власти. «Дело откочёвки – это дело ГПУ [Государственного политического управления – К.Б.]» – ясно подчёркнуто в одном из документов.

Бегство населения Казахстана, и в первую очередь казахов, партийные и советские органы произвольно обозначали термином «откочевники», причем независимо от национальности и образа жизни (оседлого или кочевого/полукочевого). Вынужденную миграцию называли «наплывом», «приливом», «стихийным / массовым переселением», «неорганизованным отходничеством», «нелегальной перекочевкой». В представлении карательных органов, беженцы – это «откочёвщики», «укочёвщики», «откочевники», бандиты, которые угоняют скот.

При вооруженных столкновениях, когда главы семей защищали свои семьи, близких и земляков, свою собственность на скот и имущество, они с подачи чекистов превращались из беженцев в «бандглаварей» и «вооруженную банду». Пограничники в рапортах о военных столкновениях с беженцами называли безоружных людей, среди которых преобладали женщины и дети, «противником». Работать с такими документами исследователю, безусловно, трудно. Нужен определенный опыт в источниковедении, критический взгляд исследователя, сопоставительный анализ с целым рядом других источников.

Подкомиссия по методологии Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (рук., кандидат юридических наук С.А. Касымов) предложила вместо термина спецслужбы и партийного аппарата «откочевники» новую научную терминологию – «вынужденные беженцы». Систематизация нормативно-правовой базы политических репрессий во многом позволила Проектному офису Госкомиссии определить базовые категории, в том числе вынужденные беженцы, и подкатегории жертв репрессий, поднять вопросы освобождения акторов собственной истории от комплекса жертвы. Собранные Госкомиссией материалы изданы единой серией в форме сборников архивных документов и материалов, в том числе по вынужденным беженцам [1]. В первую очередь источники проливают свет на различные формы сопротивления кампаниям «Малого Октября в Казахстане», в том числе на

массовое бегство народа.

Подкомиссия по методологии обратила внимание исследователей на среднестатистический состав семьи. Учитывая демографическое поведение, последствия голода, инфекционных болезней и т. п., ею предложен расчет в 4–5 едоков (душ, человек) в среднем на семью (хозяйство) в Казахстане.

Беженцы – одна из основных (базисных) категорий нереабилитированных жертв политических репрессий. По доступным, в том числе рассекреченным по инициативе Проектного офиса Госкомиссии архивным документам, исследованиям ученых выведены следующие подкатегории казахстанских беженцев советского периода:

1) беженцы от насильственного установления власти большевиков (Советы), беженцы от «белого» и «красного» террора в годы гражданского противостояния;

2) беженцы от голода в 1917–1918, 1921–1923, 1931–1933 гг.;

3) участники народных протестов и восстаний конца 20-х – начала 30-х годов XX в.

4) верующие и представители духовенства, подвергнутые гонениям и репрессиям по религиозному признаку;

5) беженцы от политических репрессий Советов и злоупотреблений властью организаторами проведения различных массовых насильственных политических и хозяйственных кампаний (хлебо-мясо-хлопкозаготовки, гужевая повинность, силовое оседание, коллективизация) в аулах, деревнях, станицах;

6) политические оппоненты большевиков и советской власти;

7) беженцы от принудительного выселения из приграничных районов;

8) репатрианты из числа беженцев, которые по возвращении в родные края были подвергнуты гонениям и репрессиям;

9) беженцы, репрессированные во внесудебном порядке за пределами Казахстана – в Узбекской ССР, Каракалпакской АССР, Туркменской ССР, Таджикской ССР, РСФСР и др. регионах СССР;

10) беженцы, расстрелянные пограничными войсками ОГПУ–НКВД при переходе государственной границы, в том числе на территории зарубежного государства.

Причины, обстоятельства вынужденного бегства. Новая статистика

Советская власть столкнулась с феноменом массового бегства казахстанцев в ходе насильственного установления власти большевиками, гражданского противостояния, хозяйственно-политических кампаний по административно-репрессивным ското- и хлебозаготовкам, приобретшим форму конфискаций, масштабы которых беспрецедентно возросли с 1927/1928 гг., а также в ходе ликвидации кулацких и байских хозяйств, коллективизации и оседания, завершивших тотальное обнищание аула и разрушение общины с ее традиционным патерналистско-перераспределительным механизмом выживания степняка. Причем внеэкономическое отчуждение государством продукта крестьянского труда приняло всеобщий, планомерно разрушительный

характер, и, несмотря на природные катаклизмы, оно не прерывалось.

Ученые Казахстана, в том числе авторы 4-го тома академического издания 2010 года «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» [2, с. 286], считали, что статистика по откочёвкам (*так в научных публикациях – К.Б.*) определяется в 1 млн 30 тыс. человек [3, с. 67], из них 414 тыс. впоследствии вернулись в Казахстан.

Госкомиссия на основе новых архивных документов оценила масштаб вынужденной миграции в 1,8 млн человек [4, с. 8, 361]. Причем надо понимать, что в эту статистику вошли и возвратившиеся затем беженцы. Так, в одном из документов подчеркнуто: «Работа по устройству откочевщиков развернулась уже в тот момент, когда скопление их в городах и на станциях достигло 450 тыс. человек» [5, л. 20].

Новые статистические данные основываются на показателях государственных органов, ответственных за планирование, сбор налогов, землеустройство, проведение коллективизации и оседания, охрану государственных границ Союза. Причем, государственные органы непременно подчеркивали, что сведения по беженцам неполные.

Так, по данным Госплана, в 1930 г. «откочевало» 121,2 тыс. человек, а в 1931 г. – 1 млн 74 тыс. человек. Такого в истории еще не было [6, с. 282].

По далеко неполным данным ОГПУ в Казахстане, только с 1930 г. по июнь 1931 г. с мест постоянного жительства в силу боязни последствий участия в протестном движении или проживания в зоне этого события, а также голода бежало и выбыло в неорганизованное отходничество 281 230 хозяйств [7, л. 25], т. е. предположительно в составе 1,1–1,4 млн человек. Массовый беженский поток был (в порядке убывания) из Западно-Казахстанской области – 59 989 хозяйств, Карагандинской – 59 928 хозяйств, Алма-Атинской – 51 198 хозяйств, Восточно-Казахстанской – 35 733 хозяйства, Актюбинской области – 31 651 хозяйство [8, л. 2] и т. д.

В другом документе «О состоянии коллективизации по Казахстану на 1 апреля 1932 г.» зафиксировано выбытие из республики с 1 декабря 1931 г. по 20 марта 1932 г. 203 693 хозяйств [9, л. 64]. Если взять в расчет 4–5 едоков (душ) на семью, тогда выйдем на показатель от 0,8 млн до 1 млн человек. Эта статистика подтверждается тем, что только из одной Восточно-Казахстанской области, которая граничит с Китаем и Россией, с сентября 1931 г. по март 1932 г., то есть в осенне-зимний период бежало более 40 тыс. хозяйств [10, с. 335–339].

По данным правительства Казахской АССР, из 800 тыс. казахских хозяйств к весне 1932 г. осталось только 450 тыс. хозяйств. Тогда на убывшие 350 тыс. казахских хозяйств приходилось бы от 1,4 млн до 1 млн 750 тыс. человек.

Не ранее июня 1932 г. Краевая Контрольная Комиссия – наркомат РКИ Казахской АССР располагал сведениями, что в 1930 г. убыло 34 977 хозяйств, в 1931 г. по неполным данным – 45 тыс. хозяйств. Только на конец 1931 – начало 1932 г. убыло 200 тыс. хозяйств [11, л. 6], т. е. порядка 0,8–1 млн человек.

По данным Народного комиссариата земледелия КАССР, относящимся к началу 1933 г., резко снизились численность населения и поголовье скота. Если

в 1930 г. убыло 317 373 человека, то в 1931 г. – более чем в 2 раза, или 754 888 человек [12, л. 25], а в 1932 г. еще больше, – 769 160 [12, л. 28]. В итоге за 1930–1932 гг. убыль населения достигла более 1,8 млн человек.

В спецсводках ОГПУ сведения о беженцах, не покидавших территорию республики, даны в разделах «Внутренние откочёвки», «Бандоткочёвки». Поэтому есть трудности при размежевании внутренней и внешней миграции, ибо в документах используются одинаковые термины – «укочёвщики», «откочевники», «беженцы», «голодобеженцы». «Основной причиной укочёвок внутри КазАССР является стремление байства уклониться от хлебозаготовок и налогового пресса, перекочевать в районы с большой коллективизацией и меньшим нажимом со стороны советского аппарата этих районов, маскируя тем самым свое классовое лицо», – безапелляционно заключало ОГПУ.

По данным Переселенческого управления Казахской АССР за 1930–1933 гг., внутриреспубликанские миграции выглядят следующим образом: в 1930 г. – 4 200 хозяйств, в 1931 г. – 4 200, в 1932 г. – 5 400, в 1933 г. – 7 200, итого – 21 тыс. хозяйств [13, л. 7] предположительно в составе 105 тыс. человек. На сентябрь 1933 г. в списке районов, находящихся под наблюдением правительственной Комиссии, значилось по 7 районов Алма-Атинской, Карагандинской, Южно-Казахстанской, Актюбинской областей, 5 районов Восточно-Казахстанской и 3 района Западно-Казахстанской областей. Всего 36 районов шести регионов [14, л. 27]. Как следует из официальной справки в ЦК ВКП (б), бегством населения был затронут 71 район. Особенно были поражены бегством районы Южно-Казахстанской, Алма-Атинской, южной части Карагандинской, западной, восточной и южной частей Актюбинской области. Из старых земледельческих районов названы: Аулие-Атинский, Талды-Курганский, Меркенский, Таласский, Чуйский, Сузакский, Курдайский, Илийский, Каратальский, Джетыгаринский, Семиозерный и др. Только из этих районов бежало около 150 тыс. хозяйств с общим количеством населения около 500 тыс. душ [15, л. 21].

Под нажимом хлебо- и мясозаготовок, раскулачивания, внутрикраевого выселения на основе решения бюро Казкрайкома от 11 мая 1932 г. 3 тыс. хозяйств были вынуждены покинуть республику [16, л. 12]. Так, дунгане и уйгуры в основном бежали в Синьцзян и Кыргызстан, узбеки и кыргызы – в республики Средней Азии, каракалпаки – в Туркмению, русские, украинцы, белорусы, мордвины, поляки и др. – в Россию, Украину, а группа немцев бежала на Дальний Восток, в Маньчжурию [17, л. 110].

В 24-х так называемых кочевых и полукочевых районах были подвергнуты групповому аресту и преданы суду по состоянию на 27 февраля 1933 г. 577 руководителей и активистов аульно-районного масштаба, якобы занимавшихся организацией бегства и развалом колхозов [18, л. 1–25]. А из 26 арестованных в Чубартавском районе 22 человека (84,6%) были приговорены к расстрелу. По двум районам – Павлодарскому и Батпакаринскому – были проведены аналогичные групповые аресты, но не указано чекистами общее количество осужденных. Только по одному Кегенскому (пограничному) району бежали в

Синьцзян за 1931–1932 гг. 8 025 хозяйств и 158 членов и кандидатов ВКП (б) [19, л. 13].

Применение советской властью, ее ставленниками из Центра регулярных войсковых частей для ликвидации восстаний и очагов народного протеста в аулах и деревнях, царивший правовой беспредел, голод и репрессии привели к массовому бегству, преждевременной смерти, насаждению колхозов и вынужденному оседанию. Общество было ввергнуто большевиками в хаос, в демографическую и национальную катастрофу.

Бегство не спасало от конфискации скота и отчуждения имущества. Семьи беженцев понесли невосполнимый материальный ущерб. Они столкнулись с национальной дискриминацией, насилием, отсутствием правовой защиты личности. Вернувшиеся беженцы полностью зависели от советского государства, проводившего политику высокой модерности (high modernity) через оседание, правда теперь под этим термином подразумевалось распределение их по территории республики в соответствии с технократическими задумками режима [20, с. 88].

Актуальные задачи

1) Рассекречивание архивных фондов, переданных из ведомственных архивов силовых структур в АП РК (г. Алматы), и в первую очередь на реабилитированных лиц в разрезе всех категорий и подкатегорий жертв политических репрессий.

2) Обеспечение доступности архивно-следственных дел по политическим репрессиям 1920–1950-х гг. На данный момент свернута их выдача в АП РК даже для исследователей-граждан Республики Казахстан, имеющих специальный допуск к совершенно секретным документам. Исследователям выдаются в служебный кабинет сотрудника архива (читальный зал отсутствует) только протоколы внесудебных органов, если они существуют в отдельных делах, а не подшиты, например, в наблюдательное дело реабилитированных лиц.

3) Разработка законопроекта по полной реабилитации беженцев и их потомков. Это очень важно для казахской общины в зарубежных странах. Ибо беженцы из Казахстана – эта особая категории жертв и пострадавших от политических репрессий, не охваченная действующим законодательством Республики Казахстан. Вследствие того, что беженцев считали противниками и предателями советской власти, и ранее вообще не стоял вопрос об их реабилитации. В нашем случае вынужденные беженцы – и жертвы, и пострадавшие от политических репрессий.

Причем речь идет не об индивидуальной, персональной, а групповой реабилитации вынужденных беженцев. Как вариант – проведение реабилитации принятием закона. Тем более, что имеющиеся уголовные дела сфальсифицированы или вообще отсутствуют решения по арестованным и содержавшимся под следствием гражданам. Жертвы репрессий могли и не иметь родственников, которые инициировали бы реабилитацию судебным решением.

Беженцы влачили жалкое существование в условиях правовой дискриминации, колоссального насилия, как культурного, так и физического.

Гражданка Кыргызстана, этническая казашка Тілеухор Бошумова вспоминает: «Менің аталарым осында Қарағанды облысынан 1925–1926 жылдары көшіп келген. Олар мың табынды жылқылары бар, дәулетті адамдар болған. Сонау бір ұжымдастыру кезіндегі аласапыран жылдарда бар мал-мүлкінен айрылып, туған жерін тастап кетуге бел буды. Біздің руымыз шұбыртпалы. Біздер Ағыбай батырдың ұрпағымыз. Шұбыртпалының ішіндегі Көгалға жатамыз. Бүгінде Қырғызстанда тұратын осы рудың адамдары осы елдің сулы ауданына қоныстанғамыз... мен аудан орталығы мен ауылдардан шалғай жерде өстім. Бізде тіптен жарық та болған жоқ. Біздер мал баққаннан басқаны білмей өстік» [Цит. по: 21].

Знание того, что пережито надломленным духовно и физически народом по вине близорукого советского государства, – шаг к покаянию и восстановлению ценности и достоинства личности. Государству и обществу сегодня как воздух нужны новые законы для избавления от страха перед государством и его силовыми органами, всеобщего соблюдения неотчуждаемых естественных прав человека и его свободы.

В архивах больше отложились документы по бегству населения в конце 20-х – начала 30-х XX в., когда «пассивные формы неприятия политики власти находили выражение в массовых откочевках скотоводческих хозяйств» [Цит. по: 22, с. 245]. Из-за состояния доступных архивных источников пока не поддается точному подсчету число беженцев-казахов, кыргызов, уйгуров, дунган, русских и др. в национальном разрезе и по результатам каждой кампании «Малого Октября в Казахстане». Продолжение поисковой работы в архивах РК и соседних Государствах, изучение адаптационных практик беженцев также остается актуальной задачей исследователей.

«Беженец – лицо, вынужденное бежать за пределы Казахстана в результате государственного преследования и политических репрессий со стороны большевистско-сталинской власти, либо в силу обоснованных опасений стать жертвой репрессий по политическим, классовым, национальным, религиозным, социальным мотивам, в том числе, в годы насильственной реализации античеловеческой программы «Малый Октябрь в Казахстане», спасая свою жизнь, а также жизнь и благополучие своих родных и близких», – подчеркивается Проектным офисом Госкомиссии [Цит. по: 23, 95-б.].

Следует также особо подчеркнуть важный методологический аспект: начавшаяся в середине 1920-х гг. советская трансформация, так называемые сталинская «революция сверху», «Малый Октябрь в Казахстане», изучаются через призму цивилизационного разрыва, описывающего процесс коренной ломки традиционного казахского социума, его исторического и социокультурного наследия.

Использованная литература и источники:

1. Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (1920–1950-е годы). Т. 5: Вынужденные беженцы.

Сборник документов и материалов / Под общ. ред. Е. Т. Карина. Астана. 2022. 642 с.

2. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В пяти томах. Т. 4. – Алматы: Атамұра, 2009. – 768 с.

3. Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. – 1989. – № 7. – С. 53–71.

4. Политические репрессии в Казахстане в 20–50-е гг. XX века и проблемы реабилитации / Под общ. ред. Е. А. Абиля — Алматы: Мадияр, 2023. — 1056 с.

5. Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф. 725. Оп. 1. Д. 1268. Л. 1–35.

6. Цит. по: Михайлов В. Великий джуг: Документальная повесть. – 2-е изд. – Алматы: Мектеп, 2020. – 355 с.

7. Специальный государственный архив Комитета национальной безопасности республики Казахстан (СГА КНБ РК). Ф. 1. Гр. 8. Арх. № 210. Л. 25.

8. АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 70. Л. 2.

9. АП РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5192. Л. 64.

10. Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Док. и материалы. В 5 т. Т. 3: Конец 1930 – 1933. – М.: РОССПЭН, 2002. – 1008 с. Ссылка на: Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Ф. 2. Оп. 10. Д. 5. Л. 1–6.

11. АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 84. Л. 6.

12. СГА КНБ РК. Ф. 1. Гр. 8. Арх. № 210. Л. 25, 28.

13. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 74. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

14. АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 656. Л. 27.

15. АП РК. Ф. 719. Оп. 4. Д. 656. Л. 21.

16. Государственный архив области Жетысу (ГАОЖ). Ф. 14–П. Оп. 1. Д. 61. Л. 12.

17. СГА КНБ РК. Ф. 9. Оп. 1. Арх. № 312. Л. 110.

18. Подсчитано по: СГА КНБ РК. Ф. 1. Гр. 8. Арх. № 202. Л. 1–25.

19. СГА КНБ РК. Ф. 1. Гр. 8. Арх. № 202. Л. 13.

20. Пианчола Н. Сталинская «Иерархия потребления» и Великий Голод 1931–1933 гг. в Казахстане // Ab Imperio. – 2018. – № 2. – С. 80–116.

21. Казахи Бишкека. / [URL:http://oldkazakh-tv.softdeco.net/rus/again/archive/Kazahi_Bishkeka_1327245100.html](http://oldkazakh-tv.softdeco.net/rus/again/archive/Kazahi_Bishkeka_1327245100.html); Текст на каз.яз. см.: Қазақ диаспорасы және Атамекенге оралу (1991–2012) / К.Н. Балатабаева, Т.А. Мамашев, Ж.Ә. Ермекбай, А.Ж. Баймағамбетва; ғылыми ред. С.Ф. Мәжитов. –Алматы: Елтаным, 2016. – 592 б. (179–181-бб.).

22. Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские

десятилетия / Абылхожин Ж.Б., Алимбай Н.А., Турганбаева Л.Р. [и др.]. – Алматы: LEM, 2022. – 455 с.

23. Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары (XX ғасырдың 20–50 жылдары). Т. XII: Қазақстандағы саяси қуғын сүргін барысында қолданылған терминдер мен түсініктер жинағы (Глоссарий) / Құраст.: С. А. Қасымов, И. Ш. Борчашвили, К. К. Айтхожин, Е. М. Абайдельдинов [ж. б.]; жалпы ред. басқарған Е. А. Әбіл. – Алматы: «Нур», 2024. 168 б.

References:

1. Materialy Gosudarstvennoj komissii po polnoj reabilitacii zhertv politicheskikh repressij (1920–1950-e gody). T. 5: Vynuzhdennye bezhency. Sbornik dokumentov i materialov / Pod obshch. red. E. T. Karina. Astana, 2022. 642 p.
2. Istorija Kazakhstana s drevnejshikh vremen do nashikh dnei. V pjati tomakh. Vol. 4. Almaty, 2009. 768 p.
3. Abylkhozhin Zh.B., Kozybaev M.K., Tatimov M.B. Kazakhstanskaja tragedija // *Voprosy istorii*. 1989. # 7. P. 53–71.
4. Politicheskie repressii v Kazakhstane v 20–50-e gg. XX veka i problemy reabilitacii / Pod obshch. red. E. A. Abil'. Almaty, 2023. 1056 p.
5. Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan (AP RK). F. 725. Op. 1. D. 1268. L. 1–35.
6. Cit. po: Mikhajlov V. Velikij dzhut: Dokumental'naja povest'. 2-e izd. Almaty, 2020. 355 p.
7. Special'nyj gosudarstvennyj arkhiv Komiteta nacional'noj bezopasnosti Respubliki Kazakhstan (SGA KNB RK). F. 1. Gr. 8. Arkh. № 210. L. 25.
8. AP RK. F. 719. Op. 4. D. 70. L. 2.
9. AP RK. F. 141. Op. 1. D. 5192. L. 64.
10. Tragedija sovetskoj derevni: Kollektivizacija i raskulachivanie. 1927–1939: Dok. i materialy. V 5 t. T. 3: Konec 1930 – 1933. M., 2002. 1008 s. Ssylka na: Central'nyj arkhiv Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossijskoj Federacii. F. 2. Op. 10. D. 5. L. 1–6.
11. AP RK. F. 719. Op. 4. D. 84. L. 6.
12. SGA KNB RK. F. 1. Gr. 8. Arkh. № 210. L. 25, 28.
13. Central'nyj gosudarstvennyj arkhiv Respubliki Kazakhstan (CGA RK). F. 74. Op. 1. D. 11. L. 7.
14. AP RK. F. 719. Op. 4. D. 656. L. 27.
15. AP RK. F. 719. Op. 4. D. 656. L. 21.
16. Gosudarstvennyj arkhiv oblasti Zhetysu (GAOZh). F. 14–P. Op. 1. D. 61. L. 12.
17. SGA KNB RK. F. 9. Op. 1. Arkh. № 312. L. 110.
18. Podschitano po: SGA KNB RK. F. 1. Gr. 8. Arkh. № 202. L. 1–25.
19. SGA KNB RK. F. 1. Gr. 8. Arkh. № 202. L. 13.

20. Pianchola N. Stalin skaja «Ierarkhija potreblenija» i Velikij Golod 1931–1933 gg. v Kazakhstane // *Ab Imperio*. 2018. № 2. P. 80–116.

21. Kazakhi Bishkeka. URL: http://oldkazakh-tv.softdeco.net/rus/again/archive/Kazahi_Bishkeka_1327245100.html Tekst na kaz. jaz. sm.: Qazaq diasporasy zhane Atamekenge oralū (1991–2012) /K.N. Balatabaeva, T.A. Mamashev, Zh.Ä. Ermekbaj, A.Zh. Bajmagambetva; gylymi red. S.F. Mäzhitov. Almaty, 2016. 592 p. (P. 179–171.).

22. Ocherki po istorii tradicionnoj struktury kazakhov v pervye sovetskie desjatiletija /Abylkhozhin Zh.B., Alimbaj N.A., Turganbaeva L.R. [et al]. Almaty, 2022. 455 p.

23. Sajasi qugyn-sürgin qurbanların tolyq aqtau zhonindegi Memlekettik komissijanyñ materialdary (XX gasyrdyn 20–50 zhyldary). T. XII: Qazaqstandagy sajasi qugyn-sürgin barysynda qoldanylgan terminder men tüsinikter zhinağy (Glossarij) / Qurast. S. A. Qasymov, I. Sh. Borchashvili, K. K. Ajtkhozhin, E. M. Abajdel'dinov [zh. b.]; zhalpy red. baskargan E. A. Äbil. Almaty, 2024. 168 p.